

Кризис порядка вновь открывает гонку за сдерживание

(начало на 1-й стр.)

Мы остановимся на некоторых наиболее политических тезисах, изложенных в книге “Рах atomica?”. Их интерес усиливается тем, что Брюно Тертрэ расширяет и перерабатывает в своём тексте материалы Оборонного колледжа НАТО.

Он пишет, что *«сдерживание – это психологический процесс; речь идёт об убеждении актора в необходимости воздержания от совершения какого-либо действия»*. Из этого следует, что *«репутация того, кто стремится к сдерживанию»* имеет решающее значение, и это особенно верно *«в так называемом “расширенном” сдерживании, когда сильный защищает слабого»*.

В военной сфере сдерживание опирается на два элемента. Для него необходимы *«возможности, надёжность которых должна быть продемонстрирована»*: платформы, пусковые установки, средства командования, управления, связи, информации. И должна быть *«явная воля»* к использованию этих инструментов. Поэтому сдерживание проходит через *«коммуникацию»*: прозрачность в отношении сил, испытания ядерного оружия, речи и письма, *«специфические сообщения во время кризиса»*.

Решимость, проявленная в прошлом при применении силы, является элементом сдерживания, частью *«репутации»*. Поэтому *«простое сравнение оружия и арсеналов не обязательно является показателем эффективности сдерживания, а история полна случаев, когда более слабые акторы нападали на более сильных»*. *«Даже почти полной уверенности в поражении недостаточно, чтобы удержать страну от начала агрессии, например, если цель – нанести ущерб противнику, а не победить его»*.

Проводится различие между *«центральной сдерживанием»*, в котором участвуют два ядерных противника, и *«расширенным сдерживанием»* – игрой нескольких акторов, в которой сильная ядерная держава защищает более слабых неядерных. Это сложное упражнение: *«Более сильная страна должна продемонстрировать и противнику, и защищаемому государству, что она готова защищать своего союзника так же, как и саму себя»*. Это делается *«посредством политики деклараций, консультативных механизмов, физического присутствия»* – когда силы защитника, развёрнутые на местах, действуют как детонатор для обеспечения его вмешательства – *«и совместных сил»*. Политическим преимуществом расширенного сдерживания является *«репутация»*: *«Государство, которое считает, что оно защищено надёжным сдерживанием, будет менее склонно к осуществлению ядерной программы»*.

Итак: репутация, коммуникация, уверенность, которые удержат союзника от собственного перевооружения в направлении обретения ядерного оружия. Если мы оценим нынешнее состояние отношений между двумя сторонами Атлантики и между Вашингтоном и Токио по этим критериям, то сможем понять масштабы ущерба, нанесённого Дональдом Трампом за четыре года его администрации, а теперь и просто возможностью его переизбрания в ноябре. Беспорядочные и провокационные высказывания, в частности, в отношении статьи 5 Атлантического альянса, устанавливающей взаимную оборону, и формулы вроде *«спящей НАТО»*, которая предусматривает вывод американских войск со Старого континента, подрывают репутацию Вашингтона в обеспечении, расширенного сдерживания в Европе.

Это сочетается с тектоническим сдвигом в отношениях власти, вызванным Китаем, и поэтому также находится под наблюдением в Токио, а не только Москвы и Пекина. Колебания и конвульсии американского упадка позволили исполнительной власти в Вашингтоне перейти в руки человека, который явно не осознаёт ответственности этого поста и его стратегических последствий, начиная с того, что Атлантический альянс и японо-американский союз имели своей целью предотвратить стратегическую и ядерную автономию Европы и Японии.

Потерять репутацию можно в одно мгновение, восстановить её сложно и, возможно, невозможно: даже независимо от Трампа, то, что случилось однажды, может повториться. О масштабах ущерба, как мы отмечаем, можно судить по открытым дебатам в Германии, ЕС и Японии, а также по решениям, которые начинают там реализовываться.

В докладе Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP) рассматриваются три сценария *«расширенного сдерживания»* США в НАТО в случае

повторного прихода к власти Трампа. Первый, наиболее вероятный, – это «*сложная преемственность*»: расширенное сдерживание будет сохранено, но «*его надёжность в случае кризиса будет сомнительной*». Второй, возможный, но менее вероятный сценарий, – это «*непреднамеренный крах*» ядерных гарантий, вызванный «*внутренними политическими беспорядками*», парализующими внешнюю политику, ущербом, нанесённым процессу принятия решений, или протаскиванием Трампом изоляционистского большинства в Конгресс. Третий сценарий – это смертельный случай «*целевого прекращения*» гарантий Альянса, для которого достаточно «*простого заявления президента*» – крайне маловероятен из-за ущерба, который он нанесёт международной стабильности, и из-за издержек для США, но он не может быть исключён из-за «*замечательной непредсказуемости*» Трампа и его склонности «*принимать решения не только непродуманные, но и явно противоречащие его интересам*».

Тертрэ пишет, что ядерное оружие способствует «*созданию образа самодостаточности, суверенитета или автономии*». Это случай Франции в трансатлантических отношениях; легче противостоять Вашингтону, когда твоя безопасность не зависит от Штатов. Прежде всего, бомба даёт «*образ силы*». С обладателем ядерного оружия говорят и взаимодействуют иначе; бомба уравнивает политическую и военную мощь, что генерал Пьер-Мари Галлуа назвал «*уравнивающей силой*». Для Парижа она означает сохранение статуса в Атлантическом альянсе, Нью-Дели позволяет быть на равных с Пекином. В НАТО ядерные державы РЗ – США, Франция и Великобритания – имеют особый политический вес, «*их оружие является символом и ключом к трансатлантическому альянсу*». Аналогичным образом, «*в меньшей степени*», этим весом обладают те, кто участвует в «*совместном использовании ядерного оружия*», то есть имеют на своей территории американское ядерное оружие: Германия, Бельгия, Нидерланды, Италия. Любопытно отметить, что здесь не упоминается ситуация, когда то или иное государство находится на пороге *обретения ядерного оружия*, то есть может быстро собрать и ввести в действие силы сдерживания – это общая ситуация для Германии и Японии, а также Ирана – с не менее значимыми политическими последствиями.

По мнению Тертрэ, существует особый статус пяти ядерных держав, признанных Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и являющихся постоянными членами Совета Безопасности ООН, который обязывает их к разоружению и нераспространению. Более того, «*в северном полушарии, где расположены все страны с ядерным оружием, оно, вероятно, укрепило Вестфальскую систему национальных государств*».

Именно это мы подразумеваем под образом бомбы как *ядерного скипетра*, последнего подтверждения суверенитета или суверенитета на особом и высшем уровне. Это имеет очевидные последствия в противостоянии по поводу гипотезы европейского *сдерживания*, которое вновь открылось в Германии и ЕС. Означает ли это высшее утверждение европейского *суверенитета*, в Вестфальском смысле континентального государства, которому передаются все полномочия национальных властей? И будет ли это означать отказ от этого суверенитета со стороны национальных государств, обладающих им, в частности, Франции, которая сделала свой ядерный *статус* и свой особый и “высший” суверенитет главным политическим инструментом и основополагающим элементом своей идентичности в системе держав?

В этих терминах такая фундаментальная *уступка суверенитета* не представляется жизнеспособной. Неслучайно против предложений о создании *европейской бомбы* выдвигаются возражения политико-институционального характера: президент Франции также является таковым по причине силы сдерживания, «*la dissuasion, c'est moi*»¹ Франсуа Миттерана; бундесвер – это *парламентская армия*, каждое развёртывание которой должно быть санкционировано бундестагом. Или они даже высмеиваются: как определить за кем последнее слово, кто принимает решения в Союзе, возможно, путём ротации и поочередного ношения ядерного *чемоданчика*?

Кстати, то же самое, но в менее драматичной форме, относится и к предложениям «*европеизировать*» место Франции в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН: поскольку оно совпадает со статусом признанной ядерной державы, тот факт, что это открыло бы вопрос о «*европеизации*» и этого скипетра, игнорируется или рассматривается поверхностно.

Любое предложение о чистой и простой *уступке суверенитета* в ядерной области, с передачей этого *скипетра* и окончательного решения из Парижа в какую-либо европейскую структуру, представляется неосуществимым и нереальным в настоящее время и в любом случае было бы неустойчивым во внутривосточном противостоянии, подвергаясь обвинениям в отказе от суверенитета в его главном инструменте и символе, именно *ядерном скипетре*.

Иначе обстояло бы дело с *совместным суверенитетом* на европейском уровне в форме *совместного ядерного оружия*, которое сам Тертрэ признаёт как особый *статус*, хотя и уступающий эксклюзивному владению оружием, для держав в НАТО, которые сегодня соглашаются на хранение и транспортировку американских боеприпасов в Европе.

В данных условиях атлантических отношений ни одна реальная сила, включая Францию, не предусматривает других решений для европейской обороны, кроме *европейской опоры* в НАТО; это подтвердил Эмманюэль Макрон во вступлении к своей новой речи в Сорбонне, пусть и в контексте призыва к созданию *Европы-державы*. Эти евроатлантические рамки способствуют тому, что в уравнении европейского сдерживания под вопрос ставится также совместное использование ядерного оружия с Великобританией. Более того, это, похоже, соответствует склонностям Германии, которая против не только любого понижения абсолютного характера американского ядерного зонтика, но и не намерена полагаться исключительно на французский.

На данный момент наиболее взвешенное предложение – возможно, это зондирование почвы – принадлежит Жан-Доминику Мерше и было опубликовано в *L'Opinion*. Вот как мы его интерпретируем: Париж должен войти в структуры ядерного планирования НАТО, где он в настоящее время присутствует только в военном командовании. Часть сил сдерживания будет выделена и разделена там с другими европейскими странами Альянса; можно предположить, что в будущем речь пойдёт о ракетах воздушного базирования, которые будут совместно использоваться на новом франко-германском истребителе. Стратегическое ядро сдерживания, ракеты дальнего радиуса действия, размещённые на четырёх атомных подводных лодках, которые являются основой *force de frappe*², останутся исключительным атрибутом французского суверенитета, его верховным *ядерным скипетром*.

В своей речи в Сорбонне и в интервью местной газете EBRA Макрон призвал к дебатам, которые будут включать «*противоракетную оборону, ракеты дальнего радиуса действия, ядерное оружие для тех, у кого оно есть или кто имеет на своей территории американское ядерное оружие*». В призыве «*выложить всё на стол*» для получения «*надёжной*» защиты, готовность согласиться с созданием «Небесного щита» ESSI, инициированного Германией, связана с вопросами сдерживания, подразумеваемыми в противоракетной обороне. Намёк на ракеты большой дальности, которые могли бы сдерживать Москву, возвращает нас к историческим дебатам 1980-х годов о *евроракетах*, но сегодня он прежде всего выглядит зеркалом уже запущенного Японией плана создания так называемого «*контратакующего потенциала*» из 1000–1500 крылатых ракет.

Немецкие дебаты не имеют таких явных, декларативных и политико-концептуальных форм, как французская традиция, но все элементы «*стола*», о которых говорил Макрон, становятся явными; практические предложения документа SWP, хотя и с большим акцентом на евроатлантическую связь и укрепление конвенциональных сил, имеют много общего с призывом Сорбонны.

Все соглашения по контролю над вооружениями связанные со старым биполярным контекстом либо просрочены, либо истекают: СНВ-III, ДРСМД, Договор об ограничении систем ПРО, ДОВСЕ. Снова начинается гонка, в которой комбинируются все элементы сдерживания, оборонительные и наступательные, обычные и атомные. Европейское перевооружение теперь видит своё отражение в азиатском.

Апрель 2024 г.

¹ - «Сдерживание – это я» (фр.).

² - Сил сдерживания (фр.).